

O. om K.

Ха-ха. Там, внизу, они подумают, что я сошла с ума. Хотя мысли мои ясны, как никогда. Ясны по-настоящему, впервые в жизни. Все, все пусть увидят меня!

Артур Шницлер. *Барышня Эльза**

Кажется, что ты была
Хрупкой свечкой на ветру.

Элтон Джон. *Candle in the Wind***

* Все цитаты из повести приводятся в переводе И. Мандельштама. —
Здесь и далее примечания переводчика.

** Свеча на ветру (англ.).

Я все еще помню.

Мама покинула наш дом в четверг, 27 апреля 1969 года. День близился к концу. За городом в этот час всегда тоскливо. Мы с сестрой Сарой возвращались с прогулки. Я не могу стереть этот день из своей памяти: в ту ночь на этаже родителей разыгралась драма.

Крики, вопли. Мы с моим младшим братом Чарльзом прижались друг к другу. Хлопали и открывались двери, было слышно, как мама кричит. Неужели папа ее бил? Он называл имя другого мужчины и оскорблял ее. Я была уверена: теперь она точно уйдет. Я слышала, как она сказала, что больше никогда не вернется ни в Элторп, ни в Паркхаус, что «ноги ее не будет в этом проклятом замке». Это она про наш дом.

А потом наступила тишина, словно кто-то из них умер — или сразу оба. Мы с Чарльзом так и сидели, испуганно держась за руки; ему было пять лет, мне восемь. За нами пришла няня, мама попросила ее «немедленно» привести детей — подобная спешка не предвещала ничего хорошего.

Вместе с нашими старшими сестрами Сарой и Джейн мы друг за другом поплелись наверх по лестнице, ведущей в комнаты родителей. Накануне среди криков родителей я услышала слова «развод» и «любовник». Чарльз не понимал, что они значат, и я не стала ему объяснять — он скоро и так все поймет.

Стоя в верхней одежде, мама говорила быстро, стараясь подобрать правильные слова, и это, кажется, только усугубляло ее волнение. Глубоко вдохнув, она подтвердила наши страхи и объявила, что уходит от отца, а затем, после долгого молчания, добавила, что нас она, конечно же, не оставит. Но как она может уйти от отца, не оставив нас, — ведь мы живем здесь, в Парк-хаусе? Значит, она больше не будет с нами жить? Я не могла себе этого представить. Неужели мать может жить без своих детей?

Джейн задала ей этот вопрос, но мамыны чемоданы, стоявшие у двери, ответили на него без слов.

Она поцеловала нас всех по очереди, в одну щеку, чтобы было побыстрее. Я едва успела вдохнуть ее запахи, почувствовать холод ее сережек, коснувшихся моего лица, и вот она уже бежала вниз по лестнице, обещая поскорее вернуться и нас навестить. Чарльз посмотрел на меня с недоверием; на его щеке остался след от маминой помады.

Грош цена обещаниям тех, кто дает их, не глядя в глаза, говорила Грэнни*. Хоть в чем-то она была права.

* Grannie — бабушка (англ.).

Сидя на лестнице, я смотрела, как мама садится в машину, дворецкий захлопывает дверцу, закрывает багажник. Вот и всё: больше никаких маминых поцелуев по вечерам, рождественских ужинов, пасхальных яиц в кустах. От прежней жизни остались только воспоминания.

Она бросила четверых детей и даже глазом не моргнула. Сара, Джейн и Чарльз вернулись к себе в комнаты, а я осталась сидеть на лестнице.

Я стала третьей дочерью в семье: родители ждали сына. Их ссоры начались из-за меня. Мама была неспособна подарить Спенсерам наследника. Третья дочь — это же катастрофа! Я стала ходячим разочарованием.

Взвизгнули шины, из-под колес выстрелил гравий, и автомобиль выехал за ворота: мама хотела жить в мире за пределами Парк-хауса, вдалеке от шести тысяч гектаров лесов и лугов Элторпа, вдалеке от вековой истории, вдалеке от нас.

Мама выбрала свободу.

Примерзнув попой к нашим мраморным ступенькам, я ждала ее невозможного возвращения. Мама не вернулась, она уезжала без единой слезинки на глазах. Не сумей она сдержат слез, не уехала бы. Она заглушала свои чувства. А я плакала.

Между Норфолком и Лондоном сто шестьдесят километров. Спустя три часа я решила, что могу вернуться в свою комнату, — больше надеяться было не на что. Мама переезжала в Лондон с мужчиной, который не был

нашим отцом. Она бросала вызов обществу и обрела свободу.

Моему младшему брату Чарльзу едва исполнилось четыре года, когда он спросил меня, почему наши родители ссорятся. Мама сказала мне беречь его, так и не дав ответа.

Чарльз хотел утешить отца. Я взяла брата за ручку, мы накинули халаты и прошли по длинной галерее, на стенах которой висели портреты наших предков. Скоро портрет родителей снимут, и от него останется лишь пыльный след. Отец не ответил на наш душевный порыв, но все-таки сел с нами в гостиную, молчаливый как никогда: он заливал свое горе виски. Его жена, жена восьмого графа Спенсера, предпочла ему фабриканта Шанда Кидда, не побоявшись потерять свой дворянский титул.

Моя бабушка любит одну королеву-мать, чьим доверенным лицом и другом она служит уже сорок лет.

На следующий день после маминого отъезда нас навестила Грэнни: она с радостью заявила, что у меня плохая мать, которая нас совсем не любит; бабушка обхватила мою голову руками словно мяч, и произнесла: «Дитя мое, ты бледна как смерть». И добавила, сжимая ладонями мои уши: «Или здесь просто такое освещение?»

Мою бабушку всегда беспокоил только этикет, поэтому ее дочь приносила ей сплошные неприятности. Уйдя от мужа, мама повела себя как непристойная женщина. У Спенсе-

ров не принято разводиться. «Самоубийства и разводы — это неприлично», — повторяла первая фрейлина королевы-матери. В кулуарах Букингемского дворца поговаривали, что леди Фермой была большей роялисткой, чем сама королева Елизавета. Поступок ее дочери был непристойным, но главное, казался ей личным оскорблением, а потому ее гнев возрастал с каждым днем. Мама так и останется отвергнутой, Грэнни никогда ее не простит. Она предпочитала королеву-мать своей дочери так же, как наша мама — любовника своим детям. Ненависть к собственной семье заложена в наших генах. Я хотела покончить с этой фирменной чертой, избежать упреков и хранить верность мужу.

О чем я только думала, когда спросила у этой бессердечной женщины, что будет, если я себя убью? Зачем задавать столь нелепый вопрос, напрашиваясь на бабушкину жестокость? С изящным безразличием Грэнни ответила, что меня забудут, как забывают всех и вся, и жизнь продолжится своим чередом. Разногласия между мамой и бабушкой были выше моего понимания. Я хотела испытать ее любовь, но теперь мне оставалось лишь исчезнуть. Для родителей я была нежеланным ребенком, мама ушла, а бабушка всем на свете предпочитала королеву. Ни до меня, ни до моего будущего никому не было дела. Мама написала нам в письме «мои дорогие», прося «дорогих» не обижаться на нее: она уезжает в долгое путешествие, но заберет нас в Лондон, как только вернется, чтобы мы жили вместе с ней. Все это ложь. Я научилась распознавать ее. Когда мама прощалась с нами, в ее голубых

глазах не было никакой глубины, только бледная поверхность, за которой одна пустота.

Я ненавижу все эти слащавые и лицемерные слова. Одним дождливым вечером в поместье Элторп моя верная подруга Кэролайн Прайд, отличница, которую даже называли «ботаником», рассказала мне про «Барышню Эльзу». Это история о прелестной светловолосой девушке, которая проводит каникулы в роскошном итальянском отеле. Пока она беззаботно играет в теннис под летним солнцем, ей приходит письмо от матери, и *dolce vita** внезапно превращается в трагедию. Из письма Эльза узнает, что ее отец разорился и она должна помочь ему самым унижительным способом: соблазнить старого антиквара.

Ее жизнь рушится. Разве может любящая мать просить дочь о подобной жертве? Неужели долг перед отцом дороже ее жизни?

Имя Эльзы станет для меня магическим — настолько, что я даже начну сомневаться в нереальности его обладательницы.

Письмо с просьбой выманить деньги у богатого антиквара, чтобы спасти отца от бесчестья, было адресовано «дорогой, милой девочке». Мама Эльзы даже не представляла, что случится с ее «дорогой, милой девочкой». «Итак,

* сладкая жизнь (ит.).

еще раз, не сердись на нас, моя дорогая, милая девочка», — писала она. Моя же мама писала своим «дорогим».

Мы лежали на мягком шерстяном ковре у камина, Кэролайн прочитала мне несколько страниц, но этого не хватило, я хотела знать все: «Умоляю, прочитай, что было дальше».

Закончив чтение, Кэролайн попыталась прервать молчание, в которое я погрузилась: она спросила, о чем я думаю, стараясь меня разговорить. Я еще не до конца осознала глубину потрясения, которое вызвали во мне ее слова (или, скорее, слова Артура Шницлера), у меня не получалось выразить свои чувства, определить эмоции, которые пробудил во мне этот текст. Мысли путались, все было пока еще слишком туманно, но одно я знала точно — знала, что никогда не забуду Эльзу, что связана с ней на всю свою жизнь и она будет всплывать в голове при малейшей возможности: вот, например, тетя Эльзы утверждала, будто она все время «ломает комедию» — я запомнила, ведь моя няня говорила про меня то же самое. Во мне было что-то от Эльзы. У Эльзы была особая судьба — такая, казалось, ждет и меня.

Со мной происходило то же, что и с ней: читая письмо, Эльза узнает о масштабе катастрофы, грозящей ее отцу, — нищета, самоубийство. Она понимает, что игры кончились, они кончились для нее точно так же, как для меня. Для Эльзы это конец беззаботных дней, для меня же — конец детства.

Моя мать не втягивала меня в решение денежных проблем, она извинялась за то, что предпочла нашей семье

другую жизнь. Мама не вернется, сколько бы я ни молилась по вечерам, стоя на коленях у изножья кровати.

Если мама меня больше не любит, кто же еще захочет меня любить?

На своих детских фотографиях я всегда улыбаюсь: улыбаюсь в колыбельке с вышитым узором, улыбаюсь на своем сером пони, улыбаюсь рядом с нашими соседями — Эндрю и Эдвардом Виндзорами. Мальчишки перелезали через решетку Сандрингемского дворца, чтобы поплавать в нашем бассейне. Чарльз был уже слишком взрослым, чтобы играть с нами в прятки, он тогда вовсе ухлестывал за девочками. Нам было все равно, мы смеялись и курили тайком. Жизнь обещала быть такой прекрасной, но после маминого ухода все сломалось, и я отложила свои куклы, чтобы заботиться о младшем брате. Он словно стал моим ребенком, я была еще слишком юна для такой ответственности, и все же именно так я поняла, что роль матери станет для меня самой любимой на свете.

Прочитав мамино письмо, я накинула пальто и, лежа на влажной траве, смотрела на звезды и размышляла, кто станет моим мужем. Обычные переживания, которые, наверное, мучают всех девчонок. Эльза хотела выйти замуж в Америке, но не за американца — или за американца, но тогда жить в Европе. Она воображала дом с «мраморными ступенями у моря», я же, в глубине своей еще неокрепшей души не умевшая отличить собственные желания от чужих, надеялась встретить мужчину, который лю-

бит природу, животных и детей, мужчину, который полюбит меня. Бабушка надеялась на принца.

На следующий год наши родители официально развелись, и отец объявил нам о помолвке с графиней Дартмут Рейн, дочерью писательницы Барбары Картленд и матерью четверых детей. Наш отказ присутствовать на свадьбе никак не изменил его решения. Едва оказавшись в Элторпе, Рейн принялась командовать нами, преобразать поместье; так, следуя за модой восьмидесятых, историческая усадьба Спенсеров лишилась лепнины, паркета семнадцатого века и своего изящества.

Рейн была карикатурой на графиню. Ее пышные укладки и объемные юбки, в которых она не проходила в дверь, вызывали у меня приступы ярости; мне хотелось столкнуть ее в бассейн, чтобы она утонула под всеми своими юбками. Я была на грани. Белоснежку из хищных лап ее мачехи вырвал прекрасный принц. Может, бабушка была права — мне и правда нужен принц?

Мои подростковые фотографии совсем не похожи на детские. В четырнадцать лет я была некрасивой упрямой девчонкой, прыщавой англичанкой с красными щеками и бледными ногами, прямыми, как два столба. Я была чем-то средним между угрюмым ребенком и взрослой женщиной, которой неуютно в своем теле.

Воображаемого друга не выбирают наугад. Я росла, и Эльза утверждалась во мне все сильнее. Когда в шко-

ле нас называли барышнями, я все время думала о ней. Если бы я только могла оплатить долги ее отца, освободить от давления обстоятельств, я отдала бы все свои сбережения, чтобы ей не пришлось обнажаться перед старым антикваром.

Что могло быть между нами общего — мной и девушкой с такой ужасной судьбой? Ее семья осталась без гроша, мы же были известны и богаты, мои шелковые чулки ничем не напоминали ее рваные, а кровь, текущая по венам Спенсеров, благороднее, чем у Виндзоров и Маунтбеттенов, вместе взятых.

Только вот на нашей семье лежит печать порока, наша кровь отравлена, я читала в газетах. Говорят, что мама подавала на развод из-за «жестокости обращения». И это не ложь. Я слышала, как папа ее оскорблял, видела, как он поднимал на нее руку.

Эльза думает: «Кто женится на дочери растратчика? Дочери человека, который похищает сиротские деньги, чтобы проиграть их на бирже!» Он украл тридцать тысяч гульденов, и теперь ей предстоит поднять юбку для того, чтобы их вернуть! Эльзу окружает мрак.

Меня тоже окружает мрак. Кто женится на дочери человека, обвиненного в жестокости?

Разве жестокость не хуже воровства?

Эльза смеется над несчастьями, которые так внезапно обрушились на нее, — это в ее характере. Но что толку смеяться, когда умираешь от горя?

В дело вмешиваются журналисты, адвокаты, друзья, враги, и ссоры моих родителей становятся главной темой газет и званых ужинов. Грэнни подливает масла в огонь, обвиняя собственную дочь в том, что она плохая мать. Разражается скандал. Грэнни становится матерью, которая ополчилась против своей дочери. Мой отец хочет оставить детей себе. Грэнни собирается ему помочь.

Мама плачет. Папа влюблен. Дети несчастны.

Как ужасно читать в газетах, что наш отец «жестокий», а мама «ветреная». Лично я не жестокая и не ветреная, а тихая и скромная; хотя мне все равно хотелось утопить свою мачеху. Я прячу газеты от Сары и Джейн: лучше, чтобы это не попадалось им на глаза. Выходит, я дочь неуправляемого отца и сумасшедшей матери.

И все же именно в этой семье было решено искать супругу для будущего короля.

Нужно было подыскать девушку самых благородных кровей, по возможности невинную и способную стать королевой Англии. Никто не объявлял об этом во всеуслышание: вся Англия и так была в курсе.

Женитьба Эдуарда на Уоллис Симпсон когда-то потрясла всю Англию. Так что в этот раз нужно было найти Чарльзу девушку с хорошей родословной. Разведенных не жаловали. Чарльз не должен был повторить печальную участь своего дяди, короля Эдуарда VIII, — не дай бог еще одно отречение. Так что королева-мать внимательно следила за лич-

ной жизнью внука: «выбор жены — самое важное событие в жизни любого мужчины». Никаких разведенных, никаких простолюдинок: его будущая жена не должна стать второй Уоллис.

Компания бабушек совершенно особенная, она состоит из королевы-матери и ее фрейлины, Грэнни Фермой: моей бабушки по материнской линии.

Моя бабушка по отцовской линии Синтия Гамильтон, графиня Спенсер, в свое время бывшая камеристкой королевы Елизаветы, ушла в лучший мир, когда мне было одиннадцать. Ее ангел оберегает меня.

Грэнни и королева-мать прошерстили все королевство и даже иностранные дворы. После долгих разговоров за чаем и печеньем они наконец остановились на моей сестре Саре.

Королевская семья всегда была предметом пересудов, а тут в дело вступают еще и Спенсеры. Я пока вне игры. Саре двадцать два года, она знакомится с принцем Уэльским в Аскоте: худая как щепка, в то время она страдала от анорексии, переживая расставание с герцогом Вестминстерским.

Румянец Сары — цвета английской розы, пусть и не такой розовый и английский, как у меня. Она любит лошадей и охоту. Все это может показаться незначительным, но не в этом случае. Дочери Спенсера — выгодные партии. Наша семья принадлежит к старинному дворянскому роду, мы потомки Стюартов и Джона Черчилля, пер-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru